

О.Н. Науменко, Е.А. Науменко

Использование книги как средства воспитательного воздействия на заключенных в пенитенциарной системе Западной Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.)

В статье с использованием неизвестных ранее архивных материалов раскрываются методы исправления уголовного сообщества западносибирских тюрем с помощью книги, а также отношение к тюремной литературе политических заключенных. Личности уголовных осужденных отличались по набору морально-нравственных качеств, но большинство было готово к восприятию окружающих и себя через мир литературы. Основным препятствием в воспитании осужденных являлась их поголовная неграмотность, для решения этой проблемы открывались тюремные школы, практиковались такие меры, как «тюремные чтения» и театральные постановки. Первые тюремные библиотеки появились в 1860-х гг. и пополнялись в основном за счет благотворителей. Наиболее популярными книгами считались романы Ф.М. Достоевского, сказки и стихотворения А.С. Пушкина. Политические заключенные отвергали любые воспитательные методы, предпочитая чтение революционной литературы. Источники не позволяют проследить, являлось ли чтение эффективной воспитательной мерой, но библиотеки формировали в тюрьмах атмосферу книги, что выступает необходимой предпосылкой для исправления личности осужденных.

Ключевые слова: книга, библиотека, каторга, Западная Сибирь, преступники, политзаключенные, Тобольская каторжная тюрьма, пенитенциарная система, исправление, тюремная реформа 1879 года.

Для цитирования: Науменко О.Н., Науменко Е.А. Использование книги как средства воспитательного воздействия на заключенных в пенитенциарной системе Западной Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) // Библиотековедение. 2016. Т. 1. № 2. С. 171—176.

Исторический опыт воспитания заключенных через книгу актуален и сегодня. Большинство исследований посвящено современному состоянию библиотек в исправительных учреждениях России [1, 2] и Восточной Сибири [3, 4]. Использование книги как средства воспитательного воздействия на заключенных Западной Сибири — недостаточно исследованная тема в современной историографии.

Во второй половине XIX — начале XX в. пенитенциарная система западносибирского региона имела свою специфику, которая выражалась в высокой концентрации тюрем и особом составе осужденных, отбывавших там первую, наиболее тяжелую часть срока (затем их переводили в Восточную Сибирь). В связи с этим воспитательные методы на территории Западной Сибири считались базовыми, обеспечивающими дальнейший успех. Они распространялись исключительно на уголовных заключенных, так как политический состав тюрем оформился лишь в период первой

Ольга Николаевна Науменко,
Тюменский государственный университет,
профессор,
доктор исторических наук
E-mail: oolgan@mail.ru
Володарского ул., д. 6,
Тюмень, 625003, Россия

Евгений Александрович Науменко,
Тюменский государственный университет,
профессор, доктор психологических наук
E-mail: hea2004@mail.ru
Володарского ул., д. 6,
Тюмень, 625003, Россия

русской революции. Использование разработанной и уже апробированной системы исправления по отношению к «политикам» было неприемлемо и неэффективно в силу их жизненной философии, интеллектуального уровня и соот-

ветствующего образования. Осужденные из числа противников российской власти, поступавшие в тюрьмы в более ранний период (их называли государственными преступниками), содержались отдельно от уголовных, в одиночных камерах. Они назывались «секретными» арестантами и не подлежали вообще никаким экспериментам по исправлению, им разрешалось читать только Библию.

Уголовное наказание в России во второй половине XIX в. начало приобретать воспитательно-исправительные черты, дополняя «ужасительное» предназначение тюрем, характерное для предыдущего периода. Атмосферу жизни в этих условиях охарактеризовал исследователь сибирской каторги и ссылки С.В. Максимов: «Счастливые и умелые искали утешения в бегах; несчастные и менее опытные оставались в руках начальства, подчиняясь различным опытам исправления» [5, с. 24]. Воспитание книгой стало, пожалуй, одним из самых приятных для каторжан средством воздействия, введенным государственной властью и активизированным в рамках тюремной реформы 1879 г. [6, с. 284].

Характеристика уголовного контингента, подлежащего исправлению через чтение, отражена в воспоминаниях общественных деятелей и писателей-революционеров, побывавших в тюремных стенах. Общее представление выразил Ф.М. Достоевский: «Это народ грубый, развратный и озлобленный... Они бы нас съели, если бы им дали» [Цит. по 7, с. 47]. Однако при более тесных контактах мнение об осужденных менялось. В частности, петрашевец Ф. Львов отметил: «Скажу, что тогда вообще личности мне показались скверными, но я не знал их еще вполне, — я судил только по словам, а не по делам. А в тюрьме все наоборот. Приличие там заставляет говорить худое; а сердце — думать и делать гораздо лучше. В свете же говорят иногда очень и очень хорошо, а поступают очень и очень худо...» [8, с. 127]. Наконец, В.Г. Короленко вспоминал о заключенных Тобольской каторжной тюрьмы с чувством глубокой благодарности и теплоты, когда они, пожертвовав собой (зная о санкциях — увеличении каторжных сроков и жестоком наказании плетью), сами предложили ему и подготовили побег, считая, что такие люди не должны сгинуть на бессрочной сибирской каторге, — эта история описана В.Г. Короленко в рассказе «Искушение». «И еще раз повторю себе старую истину, что люди — всюду люди, даже за стеной военнокаторжного отделения», — подытожил писатель [Цит. по: 7, с. 104].

Таким образом, предпосылки для воздействия на духовный мир арестантов существовали, и, как считалось, эти души нужно просто «отогреть и растопить». Этот христианский принцип первыми начали реализовывать православные священники: строительство тюремных церквей

и поступление духовной литературы стало непременным атрибутом мест заключения. Между тем чтению книг препятствовала поголовная неграмотность заключенных. В частности, в 1881 г. из 355 арестантов Тобольской каторжной тюрьмы № 2 неграмотными были 300 человек. Из числа грамотных один бывший дворянин имел высшее образование (на него и была возложена обязанность учить остальных), несколько человек закончили уездные училища, а остальные владели лишь элементарными навыками чтения и письма [9]. Такая же ситуация наблюдалась и в Томской губернии. В 1896 г. в Томской пересыльной тюрьме число неграмотных арестантов составляло 96,5%, в исправительном отделении — 82,4%, в Томском тюремном замке — 72%, в Мариинской тюрьме — 83,6%, в Каинской — 91% и т. д.; неграмотность женщин была 99% [10].

Для привлечения осужденных к чтению необходимо было вначале обучить их хотя бы алфавиту и элементарным навыкам, с этой целью повсеместно стали открываться тюремные школы, где преподавали сами арестанты, волонтеры-благотворители и штатные тюремные учителя. Работа продвигалась тяжело в связи с постоянным изменением контингента заключенных и разным уровнем обучаемости, а иногда — и с низким уровнем квалификации самих педагогов.

В качестве компенсирующей меры распространение получили так называемые арестантские чтения, когда грамотные заключенные или волонтеры вслух читали книги. С 1905 г. рекомендуемые для чтения тексты стали публиковаться в журнале «Тюремный вестник». Иногда по инициативе администрации и общественности во время чтений заключенных знакомили с литературой исторического содержания, а также произведениями русских классиков и современных для того времени писателей и поэтов. При выборе тематики учитывались пожелания и самих арестантов, например: получить больше информации о событиях на Дальнем Востоке во время Русско-японской войны. В некоторых тюрьмах чтения проводились часто: два-три раза в неделю по два-три часа. Так, за неделю в Кузнецкой тюрьме было прочитано шесть книг. В других тюрьмах чтения проводились реже (только по праздничным и выходным дням), но их организаторы старались максимально наполнить и разнообразить занятия, например, с применением «волшебных фонарей с туманными картинками» (проекторов) [10, л. 8].

В условиях слабой грамотности осужденных для знакомства с содержанием книг в Бийской тюрьме были начаты театральные постановки, где заключенные играли пьесы русских писателей [10, л. 24]. Постепенно эта практика была перенесена и на другие тюрьмы региона, став обязательной мерой в процессе воспитания книжной культуры. Наиболее прославилась в этом плане группа из десяти осужденных, игравшая люби-

тельские спектакли в Томском исправительном отделении [11].

Так как тюремные школы не смогли обеспечить массовую грамотность осужденных, к концу XIX в. «арестантские чтения» и театры, а также обычное, индивидуальное чтение стали привычным явлением в сибирских тюрьмах. Фонд библиотек постоянно увеличивался, в основном за счет пожертвований. Если общий книжный фонд тюрем Тобольской губернии в 1899 г. составлял 3271 экз., то к 1914 г. он вырос в несколько раз, в частности, в 1909 г. только единовременное пожертвование Тюменской тюрьме составило 1 тыс. книг [12, с. 428].

Содержание литературы в библиотеках зависело от разных факторов: активности священников, пожеланий самих арестантов (в этом случае информация передавалась дарителям), финансового состояния мест заключения, которые иногда закупали литературу и оформляли подписку на журналы, но в основном — от благотворителей, приносивших в тюрьмы то, что у них было. Например, в 1896 г. в Томскую тюрьму в качестве пожертвования поступила целая библиотека из 350 книг русских и зарубежных классиков, а также политических оппонентов: произведения И. Гончарова, В. Гюго, Н. Карамзина, Дж. Лондона, Н. Лескова, Н. Островского, Л. Толстого, И. Тургенева, М. Твена, Г. Флобера, В. Шекспира, Т. Шевченко и др. Центральной частью библиотеки была подборка революционного журнала «Колокол» [13]. Несмотря на государственный запрет ряда этих книг и журнала, администрация тюрьмы разрешила заключенным читать все. Более того, было издано распоряжение привести их в порядок и обращаться с ними аккуратно и бережно. Такая позиция тюремного начальства отчасти объяснялась удаленностью Сибири от центра и, соответственно, меньшей степенью цензуры. Кроме этого, в отчетах о проделанной работе указывалось количество приобретенных книг, а не их содержание, и администрация не хотела за счет изъятия части литературы уменьшать общий объем библиотеки.

В 1870 г. один из благотворителей пожертвовал в Томский тюремный замок 400 книг исторического содержания — свою личную библиотеку [10, л. 28]. С целью сохранности книги выдавались только в выходные и праздничные дни по камерам, для чтения вслух, под личную ответственность читавшего. Однако грамотные арестанты могли их брать ежедневно и читать даже ночью, что было серьезным нарушением тюремного режима, но администрация шла на это с целью воспитания в заключенных книжной культуры и создания условий для их исправления. В Каинской тюрьме библиотека (одна из первых в местах заключения Западной Сибири) вообще была собрана на личные деньги ее начальника (смотрителя). Он также организовал пополнение

библиотеки силами других благотворителей. Например, один из директоров местного тюремного комитета пожертвовал тюрьме полное собрание сочинений А.С. Пушкина, а также 86 руб. на приобретение учебной литературы [10, л. 35].

Библиотеки пополнялись также за счет периодических изданий. Так, с 1900 г. в Бийской тюрьме ежегодно выписывались журналы «Деревня», «Нива», «Общественный техник», «Памятник», «Природа и люди», «Прогрессивное садоводство и огородничество», «Русское чтение». Подборка журналов отчасти была связана с развитием в тюрьме сельскохозяйственного производства, за счет чего арестанты обеспечивали себя продуктами питания. Книги и журналы выдавались три раза в неделю по три экземпляра на человека. Библиотеки пополнялись независимо от размера и степени тесноты помещений: в частности, в Бийском тюремном замке шкафы с книгами стояли везде — в помещении школы, тюремных коридорах и пр. [10, л. 23].

В период первой русской революции в тюрьмы начали поступать политические осужденные, книжные фонды пришлось дополнять в соответствии с национальным составом прибывавших участников бунтов. В 1908 г. начальник Тобольской каторжной тюрьмы отмечал: «...нет совершенно книг на языках — эстонском, латышском и татарском; каторжников же, владеющих этими языками, до 200 человек» [14, с. 70]. Администрация Томского тюремного замка отчасти решила подобную проблему, выписывая для арестантов-литовцев литературу прямо из Риги [15], но заключенные иных национальностей по-прежнему были невольно ограничены в чтении. Помощь поступала из всех источников. Сохранилась переписка начальника Тобольской каторжной тюрьмы И.С. Могилева со шведским композитором, этнографом и писателем В. Гартевельдом за 1908 г., где иностранный гость откликнулся на просьбу помочь с книгами: «Я Вам еще раз повторяю свое обещание, а именно: библиотека на всех языках, также ноты и фисгармония будут на Ваше имя высланы из Москвы в середине августа сего года» [16]. Вскоре после получения библиотеки политзаключенные Тобольской каторжной тюрьмы, для которых и старался И.С. Могилев, «приговорили» его к смертной казни и убили в возрасте 38 лет как «классового врага» [17, л. 12].

Литературные предпочтения политзаключенных ограничивались революционными изданиями; настольной книгой для многих был Манифест Коммунистической партии К. Маркса и Ф. Энгельса. Эта литература в период российских революций в пенитенциарных учреждениях России была запрещена, однако в Тобольской каторжной тюрьме в 1907—1909 гг. «политикам» в одном из корпусов учреждения удалось установить собственный порядок, названный ими тюремной коммуной. Этот порядок сопровождался периодическими

убийствами начальников тюрем и надзирателей (И.С. Могилев был не единственной жертвой); из камер были выброшены иконы и Библии, а вместо них помещены фотографии революционных деятелей и соответствующая подборка литературы [7, с. 116]. Праздничные дни начинались не с молитвы и российского гимна, а с пения «Марсельезы». В этих условиях воздействие на осужденных через духовно-нравственную литературу, как это практиковалось в отношении уголовных, было бессмысленным и даже опасным.

Предпочтения уголовных заключенных варьировались, но в целом являли собой типичную картину. По свидетельству администрации, наибольший интерес вызывали вопросы законодательства и загробной жизни [10, л. 15]. Хотя администрация не закупала специально для них юридическую литературу, стараясь делать акцент на книги духовно-нравственного содержания, но Уголовный кодекс у заключенных был. В частности, при реставрации Тобольского тюремного замка в 1992 г. за сгнившими деревянными панелями была найдена арестантская сумка XIX в., в которой вместе с ручными кандалами, ножницами, инструментами для вязания лаптей и рожком для сбора табачного пепла (его принимали при изжоге) находился Сборник законов издания 1857 г. [7, с. 10].

Несмотря на интерес к загробной жизни, в целом литература религиозного содержания была не особенно популярна. Полуграмотные арестанты с трудом разбирали старославянские тексты. Полагая, многие на тот момент не были готовы ни духовно, ни интеллектуально воспринять, пропустив через себя, тот комплекс религиозных постулатов, который действует на подсознание и в корне изменяет мировоззрение. Для одних осужденных чтение художественной литературы становилось первой ступенькой в этом процессе, а у других — религиозные книги вообще вызывали отторжение.

Про такую группу осужденных, которых администрация тщетно пыталась привлечь к чтению духовной литературы, В. Гартевельд заметил: «Этот “православный” зарезал с целью грабежа на своем веку более 10 человек и два раза бежал с Сахалина» [14, с. 54]. В 1891 г. в циркуляре Главного тюремного управления было отмечено, что арестанты небрежно обращаются с книгами Священного писания, «листки от коих вырываются для делания папирос и для иных, еще менее соответствующих целей» [18]. Эта категория заключенных больше интересовалась «Общедоступной астрономией», ставившей под сомнение ортодоксальное учение о строении мира. Для них было характерно неуважение к книгам вообще: встречалось довольно небрежное обращение с ними и порча иллюстраций. В Томском архиве сохранилась внутритюремная переписка арестантов, для

которой использовались вырванные из журналов страницы [19]. Однако такие случаи не были массовым явлением. Подавляющее большинство арестантов книги берегли, передавая друг другу, возвращаясь к ним снова и снова: это была единственная отдушина и источник информации, позволявший задуматься и по-новому взглянуть на мир и свою жизнь. Поэтому некоторые смотрители, в частности, Мариинской тюрьмы, в качестве воспитательной меры начали выдавать литературу арестантам только при условии хорошего поведения [10, л. 30].

Наибольшей популярностью пользовались произведения Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Записки из мертвого дома» (второе было написано по мотивам каторжного срока писателя в Омской тюрьме). Образ Р. Раскольникова, близкий большинству заключенных, его философские рассуждения о праве на убийство, образ Сони Мармеладовой, мрак и нищета, душевные страдания и агрессия — все это было понятно преступникам, вызывало интерес и споры. Книги Ф.М. Достоевского были самыми «зачитанными» и быстрее всего достигали ветхого состояния. Второе место по популярности занимали стихотворения А.С. Пушкина, которые были необходимы для морально-психологической компенсации в условиях заключения. По замечанию администрации, арестанты также часто брали книги Н.В. Гоголя, К.М. Станюковича и В.И. Немировича-Данченко [10, л. 10].

Спрос на литературу был настолько велик, что при снижении благотворительности в годы первой российской революции 1905—1907 гг. книжные фонды начали сокращаться, не получая достаточного пополнения. По данным ревизии 1906 г., «при Тюменской тюрьме ранее была библиотека, теперь нет ни одного целого тома, остались одни обрывки... В Тарской тюрьме несколько оставшихся рваных книг нельзя назвать библиотекой» [17, л. 7].

Система исправления осужденных посредством духовно-нравственного воспитания и образования через чтение, конечно же, имела недостатки и пробелы: в формировании фондов наблюдалась хаотичность; не везде под библиотеки имелись помещения, существовала проблема с составлением каталогов и пр. К сожалению, архивы не позволяют проследить, насколько эффективной была эта система исправления. Невозможно узнать, кто из арестантов прочитал больше книг, кто — меньше, какие; неизвестно, как сложилась их судьба после освобождения, совершили они рецидив или нет. Однако далеко не все явления в гуманитарной сфере измеряются индексами и цифрами. Было создано главное — в пенитенциарной системе России появилась новая атмосфера, атмосфера книги, которая не могла не отразиться на духовном мире хотя бы части осужденных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Корякин М.В.* Феномен чтения в тюремной библиотеке. Попытка аналитического обзора // Библиотечное дело. 2010. № 15. С. 18—19.
2. *Ивашкин С.Н.* Библиотеки пенитенциарных учреждений : монография. Москва : Либерия-Бибинформ, 2008. 94 с.
3. *Бортникова Ю.А.* Книга в уголовной субкультуре Сибири // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Инновации, технологии, наука». Уфа : ОМЕГА САЙНС, 2015. С. 21—23.
4. *Барилловская В.М.* Утоли мои печали. Библиотека пенитенциарной системы Красноярского края: история и современность // Библиотечное дело. 2010. № 15. С. 6—9.
5. *Максимов С.В.* Сибирь и каторга : [в 3 ч.]. Санкт-Петербург : Изд-во В.И. Губинского, 1891. 394 с.
6. *Бортникова О.Н.* Возникновение и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири (1801—1917 гг.) : дис. ... докт. ист. наук. Тюмень, 1999. 356 с.
7. *Науменко О.Н.* Тобольский тюремный замок: страницы истории. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2008. 184 с.
8. *Львов Ф.* Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного // Современник. 1861. № 10. Т. 89. С. 108—127.
9. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1—42.
10. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 26. Ед. хр. 1957. Л. 3—52.
11. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 26. Ед. хр. 2018. Л. 19.
12. Статистика книжных фондов // Тюремный вестник. 1909. № 11. С. 428—435.
13. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 32. Ед. хр. 35. Л. 1.
14. *Гартевельд В.* Каторга и бродяги Сибири. Москва : Изд-во В. Антика «Польза», 1912. 197 с.
15. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 26. Ед. хр. 2227. Л. 1.
16. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 689. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 31.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 6024.
18. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 20.
19. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 26. Ед. хр. 1882. Л. 31.

O.N. Naumenko, E.A. Naumenko

Book as a Cure of the Condemned: From the History of Penitentiary System of Western Siberia (second half of the 19th — beginning of the 20th century)

Historical experience of education by the means of books, known as culture of reading, started being weakened in “the age of Internet”. Novelty of the article is in the described process of impact of the book on criminals in the territory of Western Siberia considered through the cultural, historical and psychological aspects. With the use of previously unknown archival materials there are revealed the cure methods of the condemned by using the book, and the relationship to the prison literature of the political prisoners. The personality of prisoners differed by a set of moral qualities, but almost all of them were ready to the perception of people around and themselves through the literature. Illiteracy was the main obstacle in education of the condemned, but the administration of prisons opened prison schools and organized reading literature aloud. The first prison libraries appeared in the 1860-ies and were replenished generally at the expense of philanthropists. F.M. Dostoyevsky’s novels “Crime and Punishment” and “Notes from the Dead House”, fairy tales and poems by A.S. Pushkin were the most popular books: they filled life with romanticism and were a compensation factor. Political prisoners denied any educational methods, preferring to read revolutionary literature. It is impossible to track extent of impact of book on the process of correction of criminals, but it is possible to claim that libraries started forming the atmosphere of book which is the most important condition of education in prisons, and is a necessary prerequisite for correction of a convicted person.

Key words: Book, Library, Penal Servitude, Western Siberia, Criminals, Political Prisoners, Tobolsk Convict Prison, Penitentiary System, Correction, Prison Reform of 1879.

Citation: Naumenko O.N., Naumenko E.A. Book as a Cure of the Condemned: From the History of Penitentiary System of Western Siberia (second half of the 19th — beginning of the 20th century), *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science], 2016, vol. 1, no. 2, pp. 171—176.

About authors

Olga Nikolaevna Naumenko,
The Tyumen State University,
Professor,
Doctor of Historical Sciences
E-mail: oolgann@mail.ru

Evgeny Aleksandrovich Naumenko,
The Tyumen State University,
Professor,
Doctor of Psychological Sciences
E-mail: hea2004@mail.ru
6, Volodarsky Str.,
Tyumen, 625003, Russia

References

1. Koryakin M.V. Fenomen chtenija v tjuremnoj biblioteke. Popytka analiticheskogo obzora [Fenomen of reading in prison library. Attempt of the state-of-the-art review], *Biblioteknoe delo* [Librarianship], 2010, no. 15, pp. 18—19.
2. Ivashkin S.N. *Biblioteki penitencijnyh uchrezhdenij* [Libraries of penal institutions]. Moscow, Libereya-Bibinform Publ., 2008, 94 p.
3. Bortnikova Ju.A. Kniga v ugolovnoj subkul'ture Sibiri [The book in criminal subculture of Siberia], *The Collection of articles of the International scientific and practical conference "Innovations, Technologies, Science"*. Ufa, Omega Science Publ., 2015, pp. 21—23.
4. Barilovskaja V.M. Utoli moi pechali. Biblioteka penitencijnoj sistemy Krasnojarskogo kraja: istorija i sovremennost' [Assuage my sorrows. Library of penal system of Krasnojarsk Krai: history and present], *Biblioteknoe delo* [Librarianship], 2010, no. 15, pp. 6—9.
5. Maksimov S.V. *Sibir' i katorga* [Siber and penal servitude], vol. 1. St. Petersburg: V.I. Gubinskogo Publ., 1891, 394 p.
6. Bortnikova O.N. *Vozniknovenie i razvitie penitencijnoj sistemy v Zapadnoj Sibiri (1801—1917)* [Emergence and development of penal system in Western Siberia (1801—1917). Dr. hist. sci. diss.]. Tyumen, 1999, 356 p.
7. Naumenko O.N. *Tobol'skij tjuremnyj zamok: stranicy istorii* [Tobolsky prison lock: pages of history]. Tyumen, TYuMGU Publ., 2008, 184 p.
8. Lvov F. Vyderzhki iz vospominanij ssyl'no-katorzhnogo [Excerpts from memoirs exiled and unbearable], *Sovremennik* [The Contemporary], 1861, no. 10, vol. LXXXIX, pp. 108—127.
9. *Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske* [Tobolsk State archive], coll. 17, aids 1, item 1, pp. 1—42.
10. *Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti* [State archive of the Tomsk region], coll. 3, aids 26, item 1957, pp. 3—52.
11. *Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti* [State archive of the Tomsk region], coll. 3, aids 26, item 2018, p. 19.
12. Statistika knizhnyh fondov [Statistics of book funds], *Tjuremnyj vestnik* [Prison Herald], 1909, no. 11, pp. 428—435.
13. *Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti* [State archive of the Tomsk region], coll. 3, aids 32, item 35, p. 1.
14. Gartevel'd V. *Katorga i brodjagi Sibiri* [Penal servitude and tramps of Siberia]. Moscow, Advantage Publ., 1912, 197 p.
15. *Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti* [State archive of the Tomsk region], coll. 3, aids 26, item 2227, p. 1.
16. *Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske* [Tobolsk State archive], coll. 689, aids 1, item 17, p. 31.
17. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], coll. 122, aids 1, item 6024.
18. *Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske* [Tobolsk State archive], coll. 17, aids 1, item 20, p. 20.
19. *Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti* [State archive of the Tomsk region], coll. 3, aids 26, item 1882, p. 31.